

ВЕЛГА НАД РОССИЕЙ

Васильев Сергей Фёдорович

Сегодня многие выражают критическое отношение к «реформам» 90х годов, не давших ни подлинной демократии, ни эффективной рыночной экономики. Остается непонятой причина неудач и поражений, постигших наше общество. Можно указать много частных причин и обстоятельств, приведших к такому грустному итогу. Тут и ошибки реформаторов, и особенности географического положения страны, и менталитет народа и т. п. Но всё это недостаточно для объяснения того, почему страна сползала в бездну, или, используя выражение Д. Къезы, самоликвидировалась.

Нам представляется, что главная причина поражения находится глубже всех политических, экономических, социальных факторов. Она носит, скорее, духовный характер. Именно она привела к тому, что эти факторы как бы объединились и начали уничтожать страну. Не случайно некоторые мыслители проводят аналогию между нынешним состоянием России и Смутным временем. Согласно П. Сорокину общественная связь подразумевает принятие определённой системы ценностей. Э. Фромм называл это системой ориентации и поклонения. Ф. Степун называл это идеей, в отличие от идеологии, навязываемой человеку извне.

Какая же идея, какая вера привела страну к дефолту, поражению в первой чеченской войне, подчинению заокеанскому «обкому», к опасности аннигиляции государства? Нам представляется, что это – крайний или радикальный индивидуализм. Попробуем очертить это мировоззрение. В теоретической форме он впервые был представлен в творчестве М. Штирнера и получил своё развитие в трудах Ф. Ницше.

Крайний индивидуализм признает в качестве реальности лишь индивидуумов. Существование общностей для него сомнительно, во всяком случае, менее важно, чем существование индивидов. Каждый индивидуум рассматривается как чётко отграниченный от других, сосредоточенный на себе, отталкивающий других атом. Каждый индивидуум ставит в центр мироздания себя, поэтому крайний индивидуализм есть эгоизм. Как писал М. Штирнер: «Для Меня нет ничего выше Меня». Причем эгоизм не просто признается как встречающийся в эмпирической жизни факт, но утверждается как сущностная, неотменимая, определяющая черта жизни каждого человека. Правило «каждый сам за себя» объявляется законом жизни. Смысл жизни толкуется как победа в борьбе за жизненные ценности. В борьбе побеждают сильные, удачливые, а слабые и неудачливые терпят поражение. Крайний индивидуализм закономерно переходит в социал-дарвинизм. Уже здесь мы видим, что индивидуализм враждебен морали как христианской, так и гуманистической. Индивидуализм не понимает внутренней, глубинной связи одной личности с другой, он знает только внешние, отталкивающие отношения между индивидами, их исключительное самоутверждение.

Крайний индивидуализм катастрофически сужает горизонт личности. Все духовные ценности, да и вообще всё надиндивидуальное кажется чем-то

отвлечённым и нереальным, нежизненным. У системы ценностей радикального индивидуализма срезан духовный верх. Поэтому индивидуалисту непонятно самопожертвование, бескорыстная деятельность на благо других людей, на благо общества, христианская деятельная любовь. У радикального индивидуализма сужен и временной горизонт видения жизни. Отсюда и отсутствие обдумывания жизни в целом, отсутствие долгосрочных целей.

Индивидуалист заиклен на собственных удовольствиях, поэтому он, естественно, гедонист. А поскольку удовольствие дается вещами, их обладанием и потреблением, то индивидуализм логично смыкается с философией потребительства.

Поскольку потребности и желания имеют свойство расти, усиливаться, то жизнь индивидуалиста проходит в постоянной борьбе, конфликте желаний, в постоянном поиске новых источников удовольствия. Поскольку общие моральные нормы для крайнего индивидуалиста пустой звук, то получать удовольствие от добра или от зла ему безразлично. Но зло всё же притягательнее. Поэтому индивидуалист рано или поздно заканчивает культивированием порока. В его системе ценностей, или, скорее, антиценностей, быть порочным почётно.

Крайний индивидуализм – это эгоизм. Но разумный ли эгоизм? Нет, крайний индивидуалист не считает, что надо жить самому и давать жить другим. Он считает неприемлемым в чём-либо уступать другому. Тем более что благие последствия уступок и компромиссов теряются в далёком будущем, а индивидуалист живёт одним днём. В жизненной борьбе все средства хороши. В ней не до честной конкуренции, не до соблюдения законности. Императив здесь такой: извлекай выгоду из чего только можешь и применяй для победы над конкурентом любые средства.

Это прямая противоположность категорическому императиву Канта. Крайний индивидуалист признает лишь себя как самоценность. Другие люди рассматриваются им как материал, как средство для удовлетворения его потребностей. «Взбесившийся индивид», выражаясь словами К. Маркса, считает, что он имеет право эксплуатировать и угнетать другого.

Но втайне индивидуалист знает, что есть и другие личности, другие люди, которые считают не его, а себя самоценностью. Неизбежно поэтому происходит борьба за признание его другими личностями. Важно унижить другого, чтобы почувствовать себя полноценной личностью. Воля к власти движет крайним индивидуалистом. Индивидуализм выражается, тем самым, в садизме, стремлении унижать и мучить других.

Естественно, ни о каком правовом государстве в условиях господства крайнего индивидуализма не может быть и речи. Право есть только у обладателя силы. Не может быть и речи о равенстве *всех* перед законом.

Индивидуализм позиционирует себя как философию свободы. Но множество индивидов, живущих в обществе, могут быть вместе свободны только в том случае, если они уважают друг друга, если один уважает другого и его свободу этого другого. Если же каждый индивид настаивает на своей свободе без ограничений, пусть даже в ущерб другому, то в результате получается, как

справедливо указывал ещё Т. Гоббс, «война всех против всех». И в этой незаконной, безнравственной борьбе верх берут сильные. Реальная свобода, тем самым, существует *только* для них.

Таким образом, в условиях крайнего индивидуализма нет признания прав человека для *всех*. Он тяготеет не к демократии, а к анархии, олигархии, деспотии, возникающих и исчезающих в ходе непрерывной борьбы за власть. Тем более что настоящая демократия и настоящий либерализм предполагают уважение к людям, к закону, к демократической процедуре, готовность отдать власть, в том случае, если избиратели откажут в доверии. Но всё это для крайнего индивидуалиста не имеет значения. Главное – победа в борьбе за власть.

Естественно такой человек, одержимый радикальным индивидуализмом есть человек принципиально антиобщественный и антигосударственный. Разобщённость правит бал. Фурии частного интереса, управляющие таким человеком, побуждают его нарушать все и всяческие нормы и правила поведения, если это выгодно, да и просто ради самоутверждения. Беззаконие и продажность в таком случае становится нормой жизни. Наступает то, что социологи называют словом «аномия». Аномия есть практическое выражение крайнего индивидуализма. В условиях аномии зыбки всякие общественные объединения. Само право частной собственности зависит от умения её захватить и отстоять в жизненной борьбе.

Последствия принятия такой идеи многими нашими современниками понятны. Если довести эту тенденцию до логического конца, то общество превратится в сборище злобных эгоистов, хищных сверхживотных. Представляется, что такой исход предвидел Ф. М. Достоевский, изобразив его в знаменитом сне Раскольникова. Такое общество ждёт неминуемый распад и поглощение более здоровыми социальными организмами.

Русский мистик и поэт Д. Андреев говорил о существовании Велги – трансфизической силы, разобщающей людей, опускающей их на духовное дно. Люди, ослеплённые, или, скорее, отемнённые демонической силой, начинают вести себя как оголтелые эгоисты, распущенные и жестокие, катастрофически падает рождаемость, разврат становится нормой, пропадает чувство патриотизма. Как видим, современное состояние нашего общества подпадает под описание последствий воздействия Велги.

Люди, называвшие «реформаторами», искренне боролись с тем, что они считали практически абсолютным злом – тоталитарным коммунистическим строем, и соответствующей идеологией, коммунистической квазирелигией. Однако они не учли, что зло многолико, и если ты уходишь от одного зла, то ты можешь попасть во власть другого зла. Отталкивание от деспотического коллективизма привело в объятия крайнего индивидуализма. От одной крайности перешли к другой.

Крайний индивидуализм разрушает и гуманизм, в одежды которого первоначально рядится. Ибо индивидуалисту стеснительно быть человеком, подчиняться императивам человеческого достоинства. Ограничения, задаваемые человечностью, расцениваются им как покушения на свою

неограниченную свободу. То же самое касается культурного развития. Чтобы стать подлинно образованным, воспитанным, культурным человеком надо приложить немало усилий, труда, проявить смирение и готовность к диалогу с другими людьми. Индивидуалист же не чувствует потребности в самосовершенствовании, поскольку считает, что он уже совершенство. Он не понимает и не принимает стоящие над ним культурные идеалы. Свободу он трактует как разнузданность и распушенность.

Итак, то, что мы получили вместо господства закона - беззаконие и право сильного, вместо демократии - олигархию, вместо «вхождения в цивилизацию» - одичание и варваризацию, вместо духовного прогресса – понижение культурного уровня и моральный кризис, вместо свободы – рабство человека у себя, у низших сил своей природы, глубоко закономерно. Нынешнее состояние общества логично вытекает из идеи крайнего индивидуализма.

Мы видим, что мышление крайностями, которое так свойственно многим нашим современникам не конструктивно. В очередной раз менять зло крайнего индивидуализма на зло крайнего коллективизма бессмысленно. Анархия и деспотизм есть две крайности, каждая из которых служит оправданием и извинением другой. Разумнее выйти из вечных колебаний русского маятника и найти точку опоры в новой жизненно плодотворной идее, и из нее, как из клеточки, развертывать конкретные формы жизнеустройства.

Добро есть синтез, гармоническое объединение противоположностей индивидуализма и коллективизма. Представляется, что такой синтез достигнут в философии персонализма, тесно связанной с христианской традицией. С. Л. Франк понимал общество как многоединство, в котором индивиды и общественное целое находятся между собой в органической, внутренней связи. Сходные идеи можно найти у Вл. Соловьёва и даже у молодого Маркса. Общество как союз личностей претерпевает различные извращения под действием сил отчуждения. Тем не менее, пока этот союз существует, существует и социальный организм. Если же теряется ощущение внутренней солидарности, связанности между членами общества, то в таком обществе нарастает тенденция к распаду и дезинтеграции, нарастают центробежные тенденции.

Таким образом, для выхода из кризиса необходимо достичь гармоничного сочетания многого и единого в социальном организме, чтобы реализовать норму общественной жизни, вытекающую из самой сущности общества как союза личностей. Возможно, именно такое состояние общества можно назвать соборностью. Представляется, что утверждение идеи персонализма и вытеснение идеи крайнего индивидуализма из общественного и индивидуального сознания возможно при согласованном воздействии на общество всех религий правой руки в союзе с подлинным гуманизмом. Надо понять, что под угрозой находится само существование духовной сферы общества, сферы высоких смыслов, без которой существование любого общества не имеет ценности и оправдания. Перед этой угрозой разногласия и противоречия между различными религиями и гуманизмом отходят на второй план. Необходимо предотвратить угрозу расчеловечивания человека

Васильев Сергей Фёдорович
Кандидат философских наук, доцент.
Доцент кафедры философии АлтГТУ
Раб. тел. 36-84-99, дом. тел. 45-63-47, адрес ghjrk@rambler.ru